Илья Муромец в опале

Подарил-то-де солнышко Владимер-князь
Как тому же Илье да стару казаку,
А дарил ему шубейку о петьсот рублей,
Говорил-ту-де тут да ныньце стар казак:
«А не мне были подароцьки направлены,
А направлены Дунаю сыну Ивановичу,
А мине, видно-де, ныньце да пригодилисе».
Уж услышели тут думныя бояра нынь,
Они писали ерлыки да скоры грамоты,
Доносили князю они Владимеру:
«А обхулил твои да стар подароцьки,
Говорил будто стар казак Илья Муромець:
„Уж я цё, думаю, мне князь дарить станёт,
Он и шубку дарит мне, будто у мня шубок нет“».
Тут призвал нынь солнышко Владимер-князь
Как тово же ведь нынь да стара казака,
Кабы тут-де-ка стар да на опо́р пошел,
Кабы думных бояр да приказал притти,
Они сложились троима да все ответили:
«Говорил-то-де это еще стар казак,
Он вполне говорил, да все мы слышели».
Говорит-то тут стар казак Илья Муромець:
«Говорил же то я, да не совсем же так,
Они ложно доносят показаньё-то,
Они с клятвой на стара́ да пригибают же.
Ох ты ой еси, солнышко Владимер-князь!
Говорил-то ведь я да промежу собой:
А не мне были подароцьки направлены,
А направлены Дунаю сыну Иванову,
Уже мне, молодцу, видно, пригодилисе».
Нечему тут Владимер-князь не варуёт:
«После дела-то ведь всяк же отпираетца».
Он позволил ископать ныньце глубок погреб,
Засадил-ту-де стара ныньце казака.
Тут ведь ныньце богатыри прогневилисе,

Говорят тут вси руськии богатыри:
«Засадишь ты нынь нашего предводителя,
Мы уж все нынь розойдёмся и розъедемся,
У тя пусто станет стоеть стольно Киев-град».
Говорит-ту ему тут молода жона,
Кабы та же княгина да мать Апраксия:
«Ох ты ой еси, солнышко Владимер-князь!
На кого же ты ведь нынь да понадеешьсе?
У тя думны бояра да, знать, изменщики, —
Когда не будёт у тя надежды великоей,
Они тогды же пуще изменят же».
Нечему же тут князь ныньце не варуёт.
Тут и выскоцил стар казак Илья Муромець,
Побежал он по городу по Киеву,
Забегал же нынь он на царев кабак,
Он и выпнул там двери все подвальния,
Он тут выкатил три боцьки сороковоцьки,
Да крычал-де старой да зычным голосом:
«Ох вы ой еси, да руськии богатыри!
Уж вы вси же хресьяна да православныи!
Уж вы вси-де нынь голи да кабацкии!
Вы тащите-ткось мни меру да своеруцьную,
Своеруцьную меру, да поварёноцькой,
Уж вы пейте вина да сколько хоците,
Поминайте меня, да добра молодца».
Тут не крык ле стоит, да как не стон стонёт —
Спровожают тут удала добра молодца.
Говорит-то-де тут да ныньце стар казак:
«Уж я мог бы-де не сесь ныньце в глубок погреб,
Уж я мог бы победить да ныньце весь город —
Повинуюся закону да государеву:
Я сидел преж без ног да ровно тридцеть лет,
Нынь опять, видно, мине да быват Бог судил».
Засадили тут удала добра молодца,
Как захлупили плитой его железной же,
Загребли его матушкой сырой землёй.
Тут и вси же народ да разъезжаютсе,
Разъезжаютсе вони, да розбегаютсе.
Уж розъехались вси руськи нынь богатыри,

Они прогневались на князя на Владимера,
Да на думных-то бояр да толстобрюхиих.
Как-то ныньце княгина да роздумалась,
А роздумала в уми да промежу собой,
Ископала она ныньце тайной подкоп
Как к тому же ле к старому казаку,
А снесла она ему ныньце ременщат стул,
А снесла она свеци да воску ярова,
Да снесла она книги старопечатныи,
Забавлялся штобы да ныньце стар казак,
Штобы с великой тоски смерть не случилосе;
А кормила-поила его тридцать лет.
Уж прошло ныньце поры да это времени,
Миновало промеж тем ищэ тридцеть лет,
Тут садились нынь бояра толстобрюхие
Как за ти же за столы да за дубовыи,
Они писали ерлыки, да скору грамотку,
Посылали вси по дальниим сторонушкам,
Посылали они Ковше́ю Безсмёртному:
«Нынь уж вси разошлись руськи богатыри,
Как пустой стоит у нас стольно Киев-град,
Он пустой стоит да ныньце тридцеть лет».
Скоро скажется историья, долго деитсе.
Как приехал Ковшей да во чисто полё,
Нагонил нынь силушки премножество:
Попереди-то его да сорок тысяцей,
По праву его, собаки, да сорок тысяцей,
По леву руку, собаки, да сорок тысяцей,
Позади его да числа-смету нет.
Он писал ерлыки да скору грамоту,
Выбирал он тотарина, какой лучше всех,
Отсылал с им ерлык, да скору грамоту.
Да цитат-де князь Владимер скору грамоту,
Говорит он своей да молодой жоны,
Как своей он супруге да обручальноёй:
«Ох ты ой есь, княгина да мать Апраксия!
Ты позволь мне придумать думу крепкую:
Кабы просит Ковшей у меня поединщиков,
А кого же нам послать будёт поединщиком?»

Говорит-то его да молода жона:
«На кого же ты надею преж оставалса же?
У тя есь думны бояра, да при сибе живут,
Ты поди-тко има нынь заменейся же».
Говорит-то тут князь да таковы реци:
«Ты не дельнё мине да говоришь ныньце,
Ах ты ой есь, Опросинья да дочь Семеновна!
Молодая княгина да обручальяя,
Ты ведь востра баба, да всё догадлива,
Та скажи-тко, скажи мне, пожалуста, —
Да кого же нам послать нам поединщиком?»
Говорит тут княгина да мать Опраксия:
«Мне ночесь што-то мало спалось — много виделось:
Будто жив в погребу да сидит стар казак».
Говорит тут-де солнышко Владимер-князь:
«Кабы была при сибе да сабля вострая,
Я срубил бы у тебя буйну голову:
Уж прошло ныньце время ровно триццеть лет,
Уж какой ныньце эта́м живой ныньце стар казак?»
Говорит-ту княгина да мать Апраксия:
«Я не знаю, к чему да сёдни виделось,
Будто жив сидит в погребу будто стар казак».
Говорит-то-де солнышко Владимер-князь:
«Как ты преж будто дельнё што ле баяла,
А уж ныньце сочиняшь таку безделичу:
Уж и много продолжалось да поры-времени,
Уж прошло-де топере ровно тридцеть лет,
А какой уж ныньце живой да есь стар казак?»
Говорит ему княгина да мать Апраксия:
«Мне ведь зря-то ныньце сон вного не видитсе,
Што приснитсе мне ночью, то и сбыдетсе.
Ох ты ой еси, солнышко Владимер-князь!
Ты некого не посылай, некому не приказывай,
Уж ныне ведь народ да всё неверной здесь,
Ты изволь посмотреть, сходить в глубок погреб,
Он и вза́был не живой ле в погребу сидит».
Как на то-де нынь князь да не ётслушалса,
Он надёрнул сапожки да на босу ногу,
Он и кунею-де шубу да на одно плецё,

Свой пухов-де колпак да на одно ухо,
Побежал-ту-де князь да скоро-на́скоро,
Ухватил он лопатоцьку жалезную,
Он раскидывал пески да всё макарьевски,
Отопружил он плиту да все железную.
Уж и жив-то сидит да ныньце стар казак,
Он и зрит ле, гледит да нынь в гумажной лис,
Перемётыват листики ербовыя.
Закрычал-то тут-де солнышко Владимер-князь:
«Уж и звыше ума цюдо состоялосе!»
Заревел тут и солнышко Владимер-князь:
«Ты изволь-ко, Илья да ище Муромець,
Ты и вытти ныньце к нам на белой свет,
Ты уж больнё большой да строк нынь высидел!»
А сидит-ту старой да не огленетсе.
Побежал тут назад домой Владимер-князь,
Он росказыват свое́й да молодой жоны:
«Уж и за́боль же не здря да сон привиделса,
Ищэ жив-де сидит да у нас стар казак.
Уж ты ой есь, княгина мать Апраксия!
Ты скатайся-тко, сходи, да ты сама позови».
Побежала тут княгина да мать Апраксия,
Уж как кликнула княгина да во первой након:
«Поизыть-ко, пожалуй, доброй молодец,
Разгони-тко-сь ты кручину да с ретива серца,
Ты не ради князя да ты Владимера,
Уж ты ради веры да ты Христовоей,
Послужи-тко же ты да верой правоей!»
Кабы тут-де старой да нынь выскакивал,
Бутто белой тут куропать выпархивал;
Он ступил по земли да ныньце три ступья,
А услышал его да ныньце доброй конь —
Он и сорвал все цепи да нынь железныи,
Он розорвал все пуинки шелковыи,
Закрычал-де ведь, заржал да зычным голосом,
Прибежал он к Илье да к стару казаку.
Как Илья-то-де плачёт, конь не поддаваитсе,
Уж как ровно-де пули, слезы катятсе.
Говорит-то-де тут да ныньче стар казак:

«Уж ты здраствуй-ко, княгина да мать Апраксия!
Уж жива ле моя сбруня да лошадиная,
Уж жива ле моя приправа да богатырьская?..»
(*Тут слуги принесли все, что нужно.*)
Ухватил-ту-де стар казак Илья Муромець
Кабы ту же нынь палицу буёвую,
Он свиснул эту палицу, доброй молодець,
Улетела эта палица подверх из виду,
Уж и пала она на матушку сыру землю.
Подрожала ныньце матушка сыра земля —
Уж уцюли нынь все руськии богатыри:
«Ищэ есь ныньце в Киеви сильнёй бóгатырь,
Подават ныньце знак нам, добрым молодцам».

(*Поехал Илья Муромец в поле драться с Ковшеем, княгина ему и говорит, извиняетсе*:)

«Уж ты ой есь, слуга наш да стар казак!
Извини ты, пожалуй, да не прогневайся,
Как пособит вам Бог да царь небесной свет
Состоит как сохранно стольнё Киев-град,
Вы обратно опеть, да не гостите тут».

Илья Муромец встретился с другими богáтырями в поле и побил Ковшея Бессмёртнаго. Стали после
этого богатыри думать — куда ныньце ехати? А княгина это увидела, прилетела (*т. е. прибежала*) сама
за богатырьми и закланялась, зазвáла их в Киев. Богатыри посоветовали между собой и опять поехали
к князю Владимеру; тут они и стали снова жить.

(Зап. Ончуковым Н. Е.: апр. 1902 г., д. Чуркина (на р. Пижме) Усть-Цилемской вол. — от Чуркиной Федосьи Емельяновны, 55 лет. (уроженки д. Аврамовской на р. Пижме).)

Печорские былины / Зап. Н. Е. Ончуков. СПб., 1904.